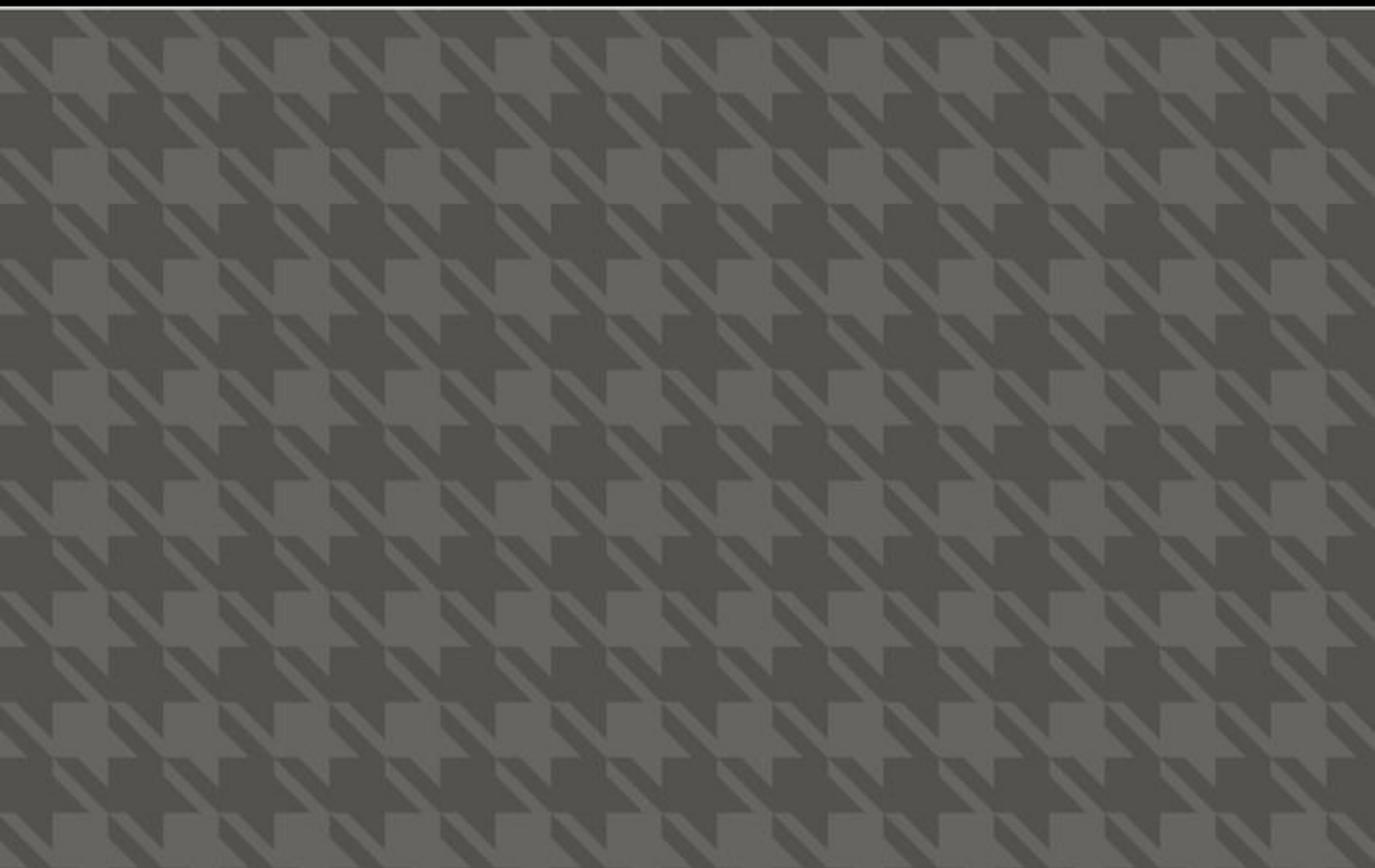

18+

Станислав Малозёмов

Нечеловеческий фактор

Повесть

Станислав Мало́зёмов

Нечеловеческий фактор. Повесть

«Издательские решения»

Малозёмов С.

Нечеловеческий фактор. Повесть / С. Малозёмов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-627296-5

В описанной истории изменены только фамилии и бортовой номер самолёта. Некоторые второстепенные участники полёта придуманы для раскраски повествования. Остальное реально произошло ночью со второго на третье января тысяча девятьсот шестьдесят пятого года рядом с посадочной полосой аэродрома Алма-Аты. Сколько написано — столько и погибло. Сколько написано — столько выжило. И довёл полёт до катастрофы, если разобрать событие по совести, один человек. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-627296-5

© Малозёмов С.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвёртая	24
Глава пятая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Нечеловеческий фактор

Повесть

Станислав Малозёмов

© Станислав Малозёмов, 2024

ISBN 978-5-0062-7296-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Вертолёт МИ-1 упал на лёд Бухтарминского водохранилища, которое от Усть-Каменогорска тянулось до Китая, рано утром первого января 1965 года. В этом месте схоронилось на краю тихой бухты «Голубого залива» егерское хозяйство «Вепрь» с пятью гостевыми домиками из бревна, банькой осиновой и саманной хаткой егеря. Сюда очень большие и счастливые возможности закидывали на гулянья по поводу разных достойных событий всяких «тузов», «королей» и «разномастных дам» из колоды советских республиканских или областных правителей.

Вертолёт поутру полетел в Усть-Каменогорск за председателем «облсовпрофа», который тридцать первого к отлёту на Бухтарму не успел вернуться из Алма-Аты. Он там вечером из рук первого секретаря получал орден «Знак Почета» за верность идеалам и доблестный труд во имя коммунизма, после чего засиделись за коньячком.

Взлетел «Ми -первый» со снежного наста вроде нормально, но через пару минут его почему-то понесло влево и он с пятиметровой высоты вписался в обрыв берега на скорости девяносто километров в час. Кроме пилота в машине никого не было, ночью он не пил, поэтому в кабине вел себя разумно. Пристегнулся, да в момент удара успел согнуться и зацепиться руками за педали. Потому даже шишку не набил. Но хоть серьёзным крушением инцидент назвать было бы слишком громко, лётчик сообщил в Алма-Ату, в центральный аэропорт, к которому приписана машина, об аварии. Винт помялся вместе с автоматом-перекосом, и бок правый вдавило ударом внутрь, шасси отвалились. По-любому должна была прилететь комиссия и причину установить, чтобы знать, за что и насколько крепко летуна наказать, раз уж выжил.

Начальник порта Геращенко в десять утра отmaterил заместителя директора технического сектора за неприятный звонок послепраздничный, когда похмельный народ только упал спать после новогодней ночи, но потом взял рацию, разбудил начальника лётно-штурманского отдела Управления Гражданской авиации Байрама Шарипова и назначил его председателем комиссии по расследованию причины падения «вертушки».

– Ты живых после пьянки собери, Боря. – Попробовал он отдать приказ ответственным голосом. – Ну, человека четыре минимально. Двое пусть сейчас летят на место из Устькамана. И чешите туда пошустрее. У нас какой рейс ближний на Усть-Каменогорск?

– Московский. Семьсот третий. «ТУшка сто четвёртая», – Байрам спать лёг час назад. И только заснуть успел перед чириканьем рации. Последний гость, Володя, призёр олимпийских игр по лыжам, ушел с женой около восьми. – Я одеваюсь уже, «волга» моя во дворе, так что все соберёмся в порту через час. Как раз перед посадкой на семьсот третий.

– И сразу обратно. Я завтра на работе. Доложишь, – рация хрюкнула и замолкла.

– Какой там козёл после бессонной ночи тряндит? – нежно, но нервно крикнула из спальни Анель. Новая жена Байрама. Месяц только прожили. С Галией, матерью двух маленьких Шариповых, Алима и Хайдара, Байрам разошелся полгода назад. Ей нашептали люди добрые, что муж «отвязался» и вразнос гуляет с девочкой из отдела местных авиалиний Анель Хабаровой. Замуж она ещё ни разу не влетела в свои двадцать три, но пару лет назад была плотно прихвачена в качестве неформальной спутницы весёлой жизни командиром борта 75158, сорокатрёхлетним Мишей Шуваловым, чей «ИЛ 18», носился каждый день из Алма-Аты, через Семипалатинск в Москву и обратно. Шувалов в отряде считался квалифицированным бабником. С ним отгуляли свои сроки с десятков стюардесс, радистка, диспетчер Катя, зам. начальника общей кассы Игуменова и не аэропортовских- тоже куча. Поэтому переход Анель к Шарипову он принял легко, как несущественную закономерность. Чин у Байрама повыше, зарплата больше. Уход лучше.

Байрам глазами съел Анель вместе с лётной формой через пять минут после того, как увидел её на общем собрании, куда она пришла впервые, и легко даму молодую-красивую у Миши отнял на следующей неделе. Или отбил. Миша процесс равнодушно отметил, но понять и не пробовал. Сам видный сорокалетний Шарипов имел строгую мужскую красоту, очень острый выразительный волевой взгляд, высокий рост и уважение всего порта за ум, интеллигентную наглость, силу физическую, крепость духа и умение со всеми ладить настолько, что ему невольно поддакивали даже те, какие по работе никак от него не зависели.

Галия не стала с Шариповым обмениваться словами, а за день, пока он трудился начальником, собралась и с пацанами переехала жить на общую их двухэтажную дачу. Всем начальникам порта Глава республиканского Управления построил сразу за аэропортом посёлок, в котором имелось всё, как в успешном райцентре. Дома и участки свои начальники по бумагам как бы кооперативно выкупили. Так оформили наличие собственных домов.

Хотя никто, конечно, лично и копейки не платил. Управление потратилось. Но дома получились добротные, а жена Шарипова была даже рада поводу с Байрамом без ссор разбегаться. Для семейной жизни этот мужик был не годен. Её за пару лет из восьми, мелькнувших после свадьбы, разлюбил, а детей полюбить вообще было некогда. Как и за домом ухаживать. Он играл на бильярде с начальством в клубе «Авиатор» и мечтал возглавить весь аэропорт. По этой причине часто и много пил с руководством, отдыхал с ним же в гостинице на Медео и дома появлялся как привидение. Никого не трогал, но видом своим всех слегка пугал и сильно радовал когда снова куда-нибудь быстро исчезал.

В общем, за три месяца Шарипов охмурил девочку Анель так мощно, что она сама попросилась стать его женой.

– Галия у тебя хорошая женщина, – говорила она и гладила Байрама по волосатой груди. – Но она старше тебя, ей сорок три. А это неприлично и противоестественно. Жена должна быть моложе, чтобы было чем соблазнять подольше. Она капризной быть должна, как я хотя бы. Это мужчину подстёгивает как камча коня. А Галия твоя тебе покорна, говорят, как корова пастуху. И потому твоя жизнь с ней вроде резины. Тягучая, но уже и тянется с трудом, да?

Влюбившийся Байрам кивал головой и мял возлюбленную со всех сторон как гуттаперчевую игрушку. С детским упорством и полноценным мужским наслаждением.

– Авария в Устькамане, – С недовольным лицом сказал он, надел тёплое синее форменное пальто с тремя серебристыми стрелками на погонах и рукавах, аккуратно, чтобы не слишком мять блестящий волос, покрыл голову шапкой. – Вертолёт гробанулся наш. Лётчик живой, но машину уделал в хлам. Меня назначили председателем комиссии. Мы там быстро всё разберём. Я имею в виду ситуацию. Потом на час заскочу в Семипалатинск, заберу лично документ один. Его по почте не хотелось бы отправлять. И завтра вечером я уже дома, плюшка ты моя сдобная с марципаном!

– Ой! Целых, считай, два дня без тебя! – почти естественно тоскливо, почти даже горестно заныла Анель. – Ну, давай поскорее. Одну бросаешь меня. Вдруг нападёт кто? Или украдёт? Нет, я с тоски помешаюсь рассудком. И будет у тебя безрассудная девчушка-женушка! Вот нам обоим это надо?

– Всё, всё! – Шарипов прикоснулся губами к её шее, вдохнул остаток аромата вчерашних духов «Climat», картинно отпрянул как от колдовского чуда-чудного, махнул рукой и выбежал из квартиры.

Возле подъезда прощались, опохмеляясь шампанским из горла и обнимаясь, Толя Зайцев со второго этажа и его друг, тоже инженер-проектировщик «Казгипрокоммунхоза». Вся площадка перед подъездом покрылась за ночь пёстрым слоем конфетти и змейками серпантина. Красиво смотрелось, но праздник-то уже кончился.

– Вот это уберите, – сказал Толе Шарипов на ходу. – Как в детском саду, мать вашу за ногу. Вон напротив дом. Так ведь чисто возле входа. Культурный народ в том доме. Хоть

он и ведомственный, мясокомбинатовский. Вам перед мясниками не стыдно? Инженеры же, не хухры-мухры!

– Боря, допьем, Юрка уйдет, а я всё подмету. Пацаны молодые резвились тут с девчонками. Не переживай, почищу всё! – уважительно отозвался Зайцев.

– Ну, с Новым годом! – Шарипов оглянулся, но шаг ускорил. – Побольше вам премий и огромную тринадцатую зарплату! Тогда и счастье будет солидное!

Байрам минут пять прогревал мотор «волги» и рванул в проход между домами, окатив половину большого двора, уютного от сладкого ночного воздуха, серым вонючим дымом. Бензин в Алма-Ату попадал в основном не очень хороший, хуже, чем в Москву. На пустой улице он поднял стрелку спидометра до ста и столбики фонарей придорожных стали мелькать как в кино при ускоренной перемотке плёнки. Ехать ему предстояло в таком темпе минут пятнадцать. В начале нового года не оставалось Байраму думать ни о чём, кроме прошлых лет и ещё более удачных перемен в грянувшем ночью новеньком, шестьдесят пятом.

После лётного училища он лет пять оттянул ляжку второго пилота на «АН- 24». Порхал как старая недокормленная ворона в трясущемся и дрожащем всеми ферменными и коробчатыми лонжеронами, но очень надёжном аэроплане на небольшой высоте и смешной, четыреста пятьдесят километров за час, скорости из Алма-Аты в Кустанай, с дозаправкой в Караганде. Потом дядя Хамит, брат отца и заместитель начальника Управления гражданской авиации КазССР определил его в лётно-штурманский отдел Управления, который среди прочих тем был хорош, что ему подчинялись практически все лётные службы и диспетчеры. Заправщики керосином не подчинялись, да и ничего. Остальных хватало, чтобы быстро почувствовать силу своего приказа и даже тяжелого взгляда на каком-нибудь слишком самостоятельном летуне или даже стюардессе. Потому его стали побаиваться и долго перед глазами Шарипова ухитрялись не маячить.

Байрам вообще-то хотел летать. Ещё пару лет назад просился у Геращенко на переподготовку. Чтобы сесть в командирское кресло «Ту-104». Летать ему больше нравилось, чем направлять большой лётный и наземный состав трудящихся на верный путь, то есть на труд без аварий и приключений. Но дядя родной не дал задержаться в воздухе племяшу. Все в семье чем-то руководили. Отец – крупным подразделением санитарной авиации. Точнее – тремя эскадрильями. Дядя Хамит, брат отца – вообще первым заместителем начальника Управления гражданской авиации КазССР возвышался над роднёй, а старший брат Байрама Айдар был в порту начальником управления грузоперевозок.

Все они когда-то летали, но в воздухе имели власть только над тучами, ветром и двигателями, а на земле их демонстративно уважали и натурально боялись люди. Те же командиры кораблей крупных сувениры привозили из полётов и звали домой на семейные торжества. О зарплатах и говорить даже между собой родственники-начальники очень смущались. Поскольку сравнить свой руководящий статус со званием пилота первого класса в свою пользу никак не получалось. Лётчики – это герои все поголовно. Мужчины. И воля у них, и отвага, и к Богу они ближе. Но зарплаты управленческих командиров втрое выше плюс возможность дало им государство при желании прижать к ногтю даже летуна-орденоносца. А именно власть командная желание сидеть в кресле пилота перешибала.

Байрам надеялся с помощью здорового энергичного дяди успеть сесть в кабинет начальника порта и потому в должности командира большого лётно-штурманского отдела свирепствовал нещадно, да так, чтобы чувствовали его умение править людьми во всём Главном Управлении.

Он приехал в порт и начальник ВОХры вызвал к нему в кабинет экспертов по нарушениям эксплуатации воздушных судов и аварийному анализу. Лететь в Усть-Каменогорск ему расхотелось ещё по дороге в порт. Он вспомнил, что Анель предлагала первого января поехать в гости к её подруге Людмиле Шаровой. Люда служила Мельпомене артисткой ТЮЗа

и народ у неё всегда собирался смешной. Циркачи, театральные гении, киношники, журналисты и почему-то милиционеры. Сама Анель никогда нигде не работала, потому как после десяти классов учиться не стала и образования не поимела. Пела песни в небольшом ресторане, где даже музыкального образования не спрашивали.

Для хорошо кушающей и пьющей публики надо было красиво одеваться, не дуть воздухом в микрофон, уметь в рамках приличия гнуть тело в нужные моменты и просто не очень часто путать нотки. Зато у неё было так много подруг, будто это и было её специальностью – дружить с хорошими людьми. Имела она ушлых приятельниц разного возраста, ума и красоты, но всех женщин объединяла полезность народу. Откуда-то, через десятые руки, попадали ей в подружки парикмахерши из мастерских класса «люкс», шикарные портнихи «экстра», обслуживающие генеральские и обкомовские семьи, продавщицы из непроходимой для простых работяг «Берёзки» и прочие молодые и не очень дамы, ценные для публики, любящей красоту, себя, уют и доступ ко всему недоступному основной серой массе.

К двадцати двум годам Анель два раза переболела какими-то слишком злыми штаммами гриппа и голос её сел так, как старый дряхлый дед сидит, сгорбившись, на скамейке возле ворот, постоянно кашляет и грызёт семечки. Подружка Люда Шарова познакомила её со своим другом, пару раз в неделю разделяющим её одинокое домашнее существование в дорогой импортной деревянной кровати. Друг трудился заместителем руководителя полётов в аэропорту и легко втолкал ничего не умеющую, но очень красивую молодую женщину в отдел местных авиалиний контролёром, где её быстро «зацепил» Миша Шувалов, командир «ИЛ-18», который постоянно приходил в отдел к другу детства.

Перед каждым взлётом Анель поднималась в салон маленького самолёта, который держал путь из Алма – Аты в Талды-Курган, куда и на автобусе добирались за пару часов. Она проверяла у стюардесс, все ли пассажиры с билетами и все ли билеты на этот рейс, после чего уходила в кабинет пить чай с коллегами и трепаться на внутриведомственные темы. Кто с кем и когда, кого назначили, уволили и почему. Ну, и на остальные темы из этого набора. Шарипову нравилось, что у новой жены столько нужных подружек, что она ухожена как королева Англии, он ехидно улыбался, когда видел как жадно пялятся на неё молодые парнишки и беззвучно говорил им: « А вот хрен вам, босяки!». То есть женитьбой на этой своеобразной кокетке, не слишком умной, что просто замечательно, но заметной и контактной, умеющей и собой сверкнуть, и всем показывать, что с эдакой дамой рядом должен быть только такой «орёл», как Байрам. Высокий, солидный, красивый, сильный, с хищным взглядом и красивой проседью на модно стриженных висках.

Нет. Не хотел Шарипов лететь на аварию. Но отменить это мероприятие никто бы не смог. Происшествие с летательными аппаратами считалось делом хоть и редким, но подлежащим особому вниманию руководства и лучших специалистов. «Тушка» отчалила вовремя и через час вертолёт начальника Усть-Каменогорского порта сел рядом с лежащим на боку «МИ-1», возле которого топтались пять человек. Лётчик Коля Лебединский, егерь Володя Рудаков и трое экспертов из областного управления.

– За твой счёт будем эту ступу без метлы восстанавливать, – Шарипов пожал большую пятерню пилоту Коле. С остальными тоже поручался. – Зарплата у тебя огромная. Сто восемьдесят, да? Года за четыре оплатишь, а мастера выправят бок, винт и купим автомат-перекос.

Все развеселились. А егерь подчеркнул новогоднее настроение. Шмальнул из «тулки» в небо дробью на кабана. Громко получилось.

– Я черновик акта уже написал.– Коля протянул Байраму лист бумаги. –Автомат-перекос виноват. Там подшипник рассыпался от износа. Хорошо, что не на эшелоне один и восемь. А то бы гроб всему. Меня бы закопали, а куски железа выкинули. Ничего не останется, если с той высоты гробануться. Но я правил взлёта не нарушил. Сами посмотрите. Все приборы остались включенными. Я аккумуляторы не вырубил.

– Николай всё так сказал, – подошел Шарипжанов Аскарбек, эксперт областной. – Мы всё тут под микроскопом отсмотрели. Пилот не виноват. Авария спонтанная. Замечание вашим техникам. Надо предполётную делать внимательнее. Хотя в целом машина ухоженная, а сработала мелочь. Подшипник гнилой, пропустили в текучке. Думаем, наказывать никого не надо. Брак подшипника заводской. Новый, блин, подшипник. Три шарика дефектные были. Вот. Смотрите сами.

Шарипов покрутил на ладони подшипник. Трёх шариков не было. В пыль рассыпались. А на боковине клеймо стояло – «11.09.64. ОТК» Три месяца было детальке. Недавно, значит, заменили.

– Сами полезете смотреть? – спросил Аскарбек.

– А на кой? Вы всё определили. Очевидность полная. Брак заводской. Машинка пишущая есть у егеря? – Шарипов похлопал пилота по спине. Это означало, что для него всё обошлось. Зарплату получит, премию. За то, что уберёт машину от более серьёзного разрушения, а людей – от гибели.

– Есть машинка, – егерь Рудаков постучал для наглядности пальцами по воздуху. – Я же отчёты пишу, докладные, заявки на продукты и другую хрень. Бумаги тоже навалом.

– Вызывайте на завтра грузовой вертолёт «МИ-6» с зацепом. Делать будете в ваших мастерских. Деньги перешлём третьего числа. Тут тысяч на сто, а может, на сто пятьдесят работёнки, – Байрам прочел акт, кивнул головой и отдал лист эксперту. – Напечатаете сейчас. Подпишем. Печать у меня с собой.

– Ну, пошли, что ли! Там стол накрыт. Ёлка фонариками сверкает. Девчонки заждались. – Егерь радостно засмеялся и потащил Шарипова за рукав.

– Не, мужики, – Байрам выдернул рукав из цепкого кулака егерского. – Мне ещё в Семипалатинск надо сегодня. Бумагу забрать. И домой к вечеру вернуться, хоть лопни! Гости придут.

– Гостей на день переноси, Боря, – Аскарбек крепко взял его под руку. – Сегодня ты всюду опоздал. Завтра улетишь. В Семипалатинске ты будешь не раньше семи вечера, если сегодня лететь туда. Уже никого не будет. А два рейса оттуда в Алма-Ату тоже только завтра. В пять сорок и в восемь вечера. Один московский, поздний. А первый – «ЯК-40». Долго лететь и муторно на нём. Ну, ты знаешь. Кидает его туда-сюда. Устаёшь за полёт. Давай отдохнём сегодня. А завтра лично сам тебя отправлю и с Семипалатинском созвонюсь, чтобы тебе место проверяющего дали на наш «ИЛ-18», который Миша Шувалов ведёт из Москвы через Семипалатинск в Алма-Ату.

– Телефон у тебя, егерь, есть? Межгород? – Шарипов подошел к Володе вплотную.

– Естественно! Это ж хозяйство облисполкома. Тихий дом отдыха для своих. Тут всё, что надо, есть, – Рудаков шагнул назад и закинул ружейный ремень за спину.

Шарипов позвонил домой, час примерно сюсюкал с молодой женой, всякими ласковыми словами её облепил с головы до ног, после чего успокоился, аккуратно уложил на место трубку, сдул с неё невидимую пылинку, потер руки, выдохнул и крикнул молодежи:

– Ну, где Дед Мороз? Снегурочек всем хватит? А пить не самогон будем? Тогда вперед!

И начался пир как в сказке – на весь мир, хотя, слава богу, никто в мире, кроме присутствующих в исполкомовских райских куцах, о новогоднем борделе при доме отдыха правителей области знать не знал, да и не смог бы, если бы даже очень захотел. Пили и пели, плясали, парились в бане и купались в бассейне голой толпой, состоящей из пьяных в дымину мужиков и таких же девчонок, выписанных на заказ из большого танцевального ансамбля «Гулдала» областной филармонии.

Проснулся Байрам второго января в восемь утра, снял с шеи розовую руку девушки Ларисы, повисшей на нём сразу с начала веселья, сполз с кровати, налил себе коньяка почти стакан, проглотил и в трусах босиком вышел на крыльцо.

Вокруг был синеватый после рассветный снег, бледнели запорошенные ели по периметру забора и бегали по двору два алабая, огромных как телята. Пахло дымом от печей из низких кирпичных труб и терпким ледяным ветром с Бухтарминского «моря».

– Хо-ро- шо!! – крикнул в небо Байрам, – Хорошо ведь, мать вашу за ногу!

Правду чувств своих доложил миру.

Глава вторая

Никто кроме малых детей никогда не называл утро первого января добрым. Даже если кто-то часов в восемь мог проснуться и выскочить на морозный чистый воздух, очищаясь в нём изнутри и снаружи от въевшихся в одежду и плоть запахов винегрета, оливье, холодца и селёдки под толстой шубой, то первым встречным он говорил не «доброе утро!», а «с Новым годом!». Потому как врать вообще нехорошо, а в первые часы обновлённой жизни – просто преступление. Ну, какое оно «доброе», утро первого января? Никто почти не спал. Глаза слипаются, и качает тебе на ровном месте, как сухогруз в шторм, башка трещит от адской смеси вин и водки с коньяком, тошнит от аромата копчёного сала или кустарда, заварного крема на торте, а шампанское, не смотря на то, что является напитком благородным, вместе с газом всё ещё ломится наружу, на далёкие виноградные плантации, через все твои щели в теле.

Анель решила окончательно проститься с кроватью, где покоилась всего пару часов, села на край и поняла что за ночь она объелась, перепилась, вымазалась заварным кремом и красной икрой, которые от тепла организма сохлись, стягивая кожу до желания усиленно чесаться. Нет. Вот ночь добрая была, всё в тебя лезло и легко глоталось, а изнутри рвались песни, пожелания радостные и остроумные шутки. Утро же заставляло сделать невозможное – чувствовать счастье бытия уже в другом временном отрезке, в счастливом Новом году. Заставляло, но впустую. Помятый самым значимым праздником, народ счастьем считал редкие минуты, когда прекращала бить дрожь и трещать голова.

Села Анель на подоконник, дождалась когда Байрам оденется и прибежит целоваться перед отлётом в командировку, а после трёх минут нежности осталась одна, обмякла, взгрустнула и, придерживая у висков голову, стала смотреть в окно. Там посреди дороги ещё позавчера мужики слепили для своих малолеток высокую снежную горку со ступеньками сзади. А скат щедро залили водой. И вот первого числа огромные массы детей да ещё пьяных дядек с тётками начали с визгом, свистом и с возгласами «ништjak катимся», «погнали, ё-моё!» и на них похожими, носились вниз на санках, картонках, фанерках, на задницах и спинах. В общем, было на горке веселее, чем за столом с бутылками, тарелками и отдельной вазой в центре стола, полной мандаринов, которые всегда являлись населению на уличных лотках и рынке только под Новый год.

Громко затарахтел, аж затрясся красный телефон с редкими для шестидесятых годов кнопками вместо дисков. Доставались такие почти все разному начальству.

– Людка! С Новым тебя! Желаю повышения зарплаты и такого же хорошего мужа, как мой! – очень порадовалась Анель явлению подружки в тяжкую послепраздничную минуту. – Как отметили-то!?

– Ой, Анечка, по телефону и не перескажешь, – захохотала довольная жизнью Людка. – Приезжай лучше. Мы же ещё не закончили праздновать. Гуляем без сна и отдыха! Без мужа сможешь? Мы тут все без мужей.

– Так мой на аварию улетел в Усть-Каменогорск. Завтра вернётся к ночи, – Анель прижала трубку к щеке, а длинный телефонный провод позволил ей говорить и одновременно доставать из шкафа лучшее платье. Оно было сшито в «люкс мастерской» из бирюзовой лайкры с золотистыми драконовыми вставками вокруг декольте и вдоль бёдер. – Так что я баба незамужняя до завтрашнего вечера. У вас там есть перед кем мне новыми нарядами повыдываться?

– Увидишь лично! Есть они, донжуаны! Куда без них, нахалов!?! Давай, ждём! – Людка не смогла остановить звонкий хохот и с размаха грохнула трубкой по рычагам.

Анель к платью добавила браслет с аметистами, бирюзу в облике кулона на золотой цепочке, перстенёк с яшмой и серьги с изумрудами, которые очень красиво сочетались с куло-

ном и лайкрой. Никому из её окружения и в голову бы не стукнуло, что такой набор побрякушек, «цацек в золотой оправе» – полная безвкусица. Наоборот! Суметь занять такое и выходить в «свой» свет эдаким импортным попугаем – высший класс! Она завернула светло – голубые туфельки на шпильках в салфетку, уложила их в сумочку, бросила туда же сигареты «marlboro». Мужу лётчики привозили их из дальних стран. Духи «Avon Toraze» прихватила – мимоходом похвастаться редчайшим парфюмом, который для неё без труда находили стюардессы, летающие в заграничье. Всё. Можно было на крыльях лететь к друзьям, где весело и свободно.

Нет, рано! А глаза подвести, а тени наложить! А ресницы вытянуть и торчком поставить тушью «Louis Philippe»! Её Байрам дарил впервые на 8 марта, когда они после торжественного собрания только начали совместное движение к любви и к его разводу с Галией, и потом покупал «Louis Philippe» почти через каждый месяц, когда Галия уехала, а Анель заняла её место в сердце и койке. С дамским полом он общался давно, активно и как-то запомнил, что даже дорогая французская тушь в тубе, похожей на толстый карандаш, сохнет, зараза, и надо покупать новую. А ему летающие в заграничье пилоты везли всё, что попросит.

Долгая, но упоительная процедура изготовления своего парадного облика заняла около часа. Но утро еще не ушло и весь неизбежно увлекательный день маячил в близкой перспективе как диктор телевидения: и вроде он рядом на экране, и одновременно черт знает где, на какой – то далёкой Шаболовке.

В Людкиной квартире дым от сигарет просачивался даже через входную дверь. Как и сводный хор солидного мужского и легкомысленного, заводного хохота в недавнем прошлом юных дам. То ли анекдоты травили свеженькие, а, может, просто напились до такого предела, когда говорить уже сложно, а ржать – запросто. Без повода. Потому как прежний повод – встреча Нового года ещё не иссяк. На звонок к двери прибежала куча народа как будто Дед Мороз, не успевший к ним в полночь, добрался-таки до квартиры тринадцать в доме номер шесть на улице Декабристов. И приволок каждому мешок с коньяком, а каждой – по мешку с апельсинами да со знакомыми по редким импортным фильмам бананами. Ну, и, ясное дело, с упаковкой тортов под кремами «безе», «шоколадный ганаш» и «патисьер». Открылась дверь и на пару секунд стало так тихо, будто в центральном читальном зале большой республиканской библиотеки, где и так всегда даже кашляют шепотом, все сразу и дружно отравились знаниями, померли и скончались с ними все звуки дыхания, сопения, полёта мух.

Перед расхристанной, крепко набравшейся шампанского и коньяка массой, стояла без Деда Мороза невинная, светлая и манящая роскошной статью снегурочка в норковой шубке, норковой круглой шапке и в итальянских сапогах, облегающих тонкой кожей выразительно красивые ноги.

– Вы чего? – удивилась Анель. – Это я, Анель. Людка, и ты меня не признала? С Новым годом! Одиноких принимаете?

– Ещё как принимаем! – шикарным баритоном сказал изящный молодой человек, одетый в блестящий серый костюм, ослепительно белую рубашку, украшенную галстуком «бабочка». Он был нетрезв, но и не надрался в зюю. – Я – Игорь, актёр театра имени незабвенного Лермонтова. А вы снегурочка такая?

– А я Анель, – она распахнула шубу, блеснула необычно шикарным платьем, броским перстнем с яшмой в золотой окантовке, кулоном из шлифованной бирюзы и перешагнула порог. – Просто Анель. Уборщица из новых мужского и дамского туалетов в парке культуры имени Горького.

Все так жутко заржали, что из остальных квартир стали часто и поочередно высовываться полусонные не протрезвевшие соседи.

Анель повесила шубу, переобулась в туфли на шпильках и хотела сесть к столу.

– Анька, пожди. Покрутись тут у всех на виду, – крикнула подружка Людмила. – Пусть народ рассмотрит и мозгами сфотографирует, какая она бывает – женщина мечты! Идеал вкуса и великолепия.

Народ цокал языками, кто-то присвистнул восхищенно и весь коллектив минут пять аплодировал красавице в изумрудах, золоте и других драгоценных причиндалах не всем доступной роскоши. Потом Людка включила магнитофон «Днипро» и под первую битловскую песню «Love Me Do» все стали чокаться рюмками с коньяком и орать несложный лозунг: «С Новым годом! С новым счастьем!»

Сразу стало всем так радостно, будто новое счастье уже, наконец, только что и пришло, и раздало всем выигрышные билеты в замечательную жизнь.

Анель незаметно для шумной веселящейся бригады поправила на себе и платье, и побрякушки дорогие. Всё было на местах и всё буквально кричало о том, что давняя подружка не самых последних в столице дам теперь стоит на ступеньку повыше над ними. Украшения и одежда остальных тоже стоили серьёзных денег, но не таких, какие всего за три месяца конфетно-букетного промежутка и короткой пока семейной жизни Байрам Шарипов ухнул на бывшую ресторанный певичку, пробившуюся к нему в жены. Именно этого, собственно, она от него и ожидала. С самого первого дня, когда после собрания он подошел и без положенных при знакомстве реверансов и всяких романтических предложений обыденно, будто они вместе уже лет десять, сказал.

– Привет. Я тебя забираю у твоего любовника Миши Шувалова. И не возражай. Мне твои выдающиеся данные больше соответствуют, да и мои тебе тоже. Я тут всё же не дворник, а через год вообще начальником порта буду. Жить со мной станешь как дочка Брежнева. Всё, что хочешь, у тебя будет. А подпрыгну в крупные начальники, назначу тебя заведующей общепитом аэропорта. Там и деньги, там и директор ресторана у тебя на побегушках, не говоря уже о трёх столовых и пяти буфетчицах.

Даже сам заведующий складом присесть перед твоими красивыми ножками будет. Короче, ты мне нужна и как украшение, и как верная рука. Про любовь я не упоминаю. Врать глупо. Ни у меня её к тебе ещё нет, ни у тебя. А будет – не будет, кто знает? Да и не она главная в семье. Основное – это помощь друг другу в общей жизни. Но ты будешь у меня не просто красивой, я так сделаю, чтобы тебя называли за глаза шахиней и вели себя с тобой, преклоняя головы. Это не слова. Я сказал! И так оно будет.

– Байрам Каримович, – робко полезла к нему в душу Анель. – Тогда женитесь на мне. Просто так я с Вами жить не стану.

Шарипов кивнул.

– Не говори мне «Вы».

– Про тебя говорят, что ты хоть и переспал с половиной наших девчонок из Управления и порта, но сам – Отелло. Ревнивец бешеный. А на меня тут и не только тут почти все мужички пялятся, клеятся ко мне и слюни пускают. Так вот... Сразу побожись, что ревновать не будешь. Совсем. Думай там про меня что угодно, но ревность не показывай. Или тогда давай на этом нашем разговоре наши отношения и закончим. Я тоже не с помойки. Покручусь перед секретарём обкома, так и он в любовницы заберёт без раздумий. А уж как он меня щедростью одарит – ни в одной сказке не прочтёшь. И с Галией своей разведись быстро. У тебя блат везде. Тянуть не будут. Вот сразу же как разведёшься – идём в «ЗАГС». Прямо на другой день.

– Принимается, – улыбнулся Байрам. – Но обоюдно. Ты тоже не ревнуешь. Тогда живём с удовольствием, а начнёшь шпионить и неверность мою отлавливать, забирай из дома всё, что хочешь и вали в толпу разведёнок. Поняла?

– Не буду ревновать. Тенгре-Аллах да услышит меня! Клянусь перед ним, – сложила ладони на груди Анель.

– Мы с тобой ислам приняли, мы сунниты, мусульмане и дороже клятвы, чем перед Тенгре-Умай – Аллахом нет у нас. Ну, а раз уж поклялись, то слову будем верны, – Шарипов взял её за руку. – Сегодня после работы подойдешь к нашей конторе, я выйду к своей «волге» и поедем ко мне. Завтра с утра дам тебе большую машину, шофёра и помощника. Перевезёшь всё своё. Теперь мой дом – твой тоже. С сегодняшнего дня живём вместе. Вот тебе ключи от квартиры. У меня тоже есть. Договорились?

Анель поднялась на носки и поцеловала Байрама в губы. Он её крепко прижал к себе. Всё это значило, что началась новая жизнь.

За новогодним столом подружки Людки народ потихоньку стал пьянеть. Разговаривали громче, смеялись дольше и заливистей, пили на брудершафт и танцевали под звуки, летающие с магнитной плёнки, но никем не признанные. Да этого уже и не требовалось. Можно было двигаться в такт – и ладно. К Анель пришел со своим стулом парень в модном сером блестящем костюме с густо покрытым бриолином черным волосом на пробор. Это он в прихожей разглядывал её как очень дорогую неразвернутую шоколадную конфету, с которой ему не терпелось побыстрее содрать фантик и сожрать непременно в кровати. Он надрался в меру, не нёс пошлости и не лапал руками, что Анель оценила.

– Я Игорь, – сказал он, взял её руку и нежно поцеловал в палец рядом с чудо-перстнем. – Танцевать не предлагаю. Не умею. Пить тоже не зову. Уже и так перебрал. А женщин сильно пьяных моя сущность отторгает. Я тебе предлагаю поцеловаться взасос. Вот сколько смотрю на тебя, столько и мечтаю.

– А зачем? – начала кокетничать Анель. – Вон сколько девушек. Хоть взасос их, хоть вразнос! А может у тебя вообще гадкое желание – замылить мне уши и голову да в койку бросить?

– Ну, если для тебя это мероприятие – гадкое, то тогда я пошел. Сяду в спальне и буду читать газету «Гудок». Вот она. На кухне взял. Ты можешь позволить мне такой способ самоубийства – прочесть «Гудок» от передовой до вкладыша, а от него до последнего некролога в конце газеты?

Анель развеселилась.

– Нет, не могу. Живи. Хорошо ведь жить. А если не «Гудок» читать, то что вместо него?

– Я живу этажом выше. Дома нет никого. Жена от меня ушла пару лет тому назад, поскольку я бабник. А я, правда, бабник. Но люблю только таких красоток охмурять как ты. А вас таких мало. И тебя упустить – просто дикость с моей стороны! Я, может, даже отравлюсь уксусной кислотой или дустом если «обломлюсь». Пошли ко мне?

Анель подумала секунд пять. Собственно, если они на час выскочат – даже Людка, хозяйка, не сообразит. Все дуреют ускоренно от смеси сухого вина, шампанского и коньяка.

– Ты иди. Через пять минут я. Квартира какая? – она ткнула Игоря пальцем в галстук «бабочка» и томно откинула голову назад, прикрыв на мгновение лицо тёмным волнистым локоном модной причёски.

– Семнадцатая, – Игорь подмигнул и как тень скользнул от стула к двери прихожей.

– Ну, Шарипов мой ночью сегодня в какой-нибудь баньке тоже «Гудок» читать не будет и вряд ли станет до утра писать отчёт о расследовании аварии, – сказала сама себе вслух Анель и незаметно ушла в квартиру под номером семнадцать, где не без приятных ощущений часа три провалялась с Игорем в постели, после чего они оба протрезвели, да ещё и устали.

– Вот выпить у меня нет ничего. Всё Людке отнёс, – Игорь оделся и пошел к зеркалу причёсаться и наложить на пробор бриолин.

Анель тоже привела себя в порядок и финальным элегантным движением накинута на шею бирюзовое колье.

– А ничего так мы... – засмеялась она. – Не посрамили ни мужской пол, ни женский.

– Да ты прелесть! Слива с вином в шоколаде. Я от тебя балдею и не против буду повторить, – обнял её Игорь.

– Всё в жизни лотерея, – Анель чмокнула его в щёку. – Может и подвернётся выигрыш ещё когда.

Она потянула Игоря за руку и через пять минут они сидели за столом, очень увлечённо съедая бутерброды с черной икрой, как будто и не выходили, не покидали праздник. Время до вечера бежало скачками. То неслось, опережая все настенные часы под шустрые зарубежные фокстроты, гулкий топот туфель, истерический хохот после анекдотов, то падало в полуобморок и тащилось, чуть живое, цепляясь секундами за тарелки, бутылки, ботинки и туфли, которые хозяева сбросили под столами, чтобы обувь не сдавливала в ногах пространство, куда ещё кроме желудка и кишечного тракта могли вместиться коньяк и шампанское.

Часам к восьми вечера от сигаретного дыма и едкого аромата подкисшего в тепле салата «оливье» многим дамам стало не совсем хорошо, они часто бегали в ванную комнату, подставляли под холодную струю голову и лицо, после чего вместе с полотенцем являлись публике со спутанным волосом, из которого торчали заколки и шпильки, да с помятыми красными лицами, исполосованными вдоль и поперёк тушью для ресниц, тенями для век и разнообразной перламутровой помадой. Мужчины, элегантно приодевшиеся в модные костюмы «троечки» и почти одинаковые полосатые галстуки, рассупонились, расслабили подтянутые поначалу подбородки и животы, некоторые даже рубашки расстегнули, дав волю выглядывающим в скрытый мир между пуговицами синим кускам трикотажных маек.

Зрелище для трезвых почти кошмарное, но для своих – вполне приемлемое. Узнавали друг друга все. Это важно. Это сближало. Остальное никак не относилось ни к празднику, ни к совместной дружбе, для многих случайной, проходной и ничего не значащей. Но с десятков мужиков и столько же почти молодых дам сплотились идейно и по интересам много лет назад. Для них куролесить составом, собранным «своими» и для «своих», было делом святым, неизменным и многозначным. В трезвые дни эти «друзья», коими они себя публично называли, делали друг для друга всякие нужные и полезные услуги.

Потому как не зная и не ценя «дружбы взаимовыгодной», они все стояли бы в очередях как рядовое население, не имели бы дефицита и возможности «доставать». Если основная масса народная имела то, что советский строй позволял иметь, то «друзья», сидящие на небольших даже, но всё-таки «возвышенностях», могли «достать» то, что народ считал чудесами. Смертным недоступными. Вот и делились люди в шестидесятых на тех, кто мог «достать» всё, и на других, которые всю жизнь маются в разных очередях и при жизни не всегда успевают купить по записи в очередь автомобиль, персидский ковер размером три на четыре, цветной телевизор или большой холодильник «ЗиЛ».

В общем, вся бригада «своих» Анельку любила за красоту и способность притащить в компанию очень ценного человека, а она обожала подружек за то, что они, как золотые рыбки могли исполнить любое её желание. И жаль было покидать друзей, но теперь она была женщиной замужней, причём за «большим» человеком, а это против воли обязывало её вечером находиться в семейном гнезде. При этом не важно было – дома муж или в отъезде. Анель понимала, что чуть позже он будет звонить и стала прощаться. Провожали её шумно, надали полную сумку неизвестно чего.

– Дома разберёшь! – смеялась Людмила, подруга. – Гранаты там нет, гремучей змеи тоже.

Игорь поймал такси, заплатил без сдачи, и около восьми она уже включила телевизор да тянула через трубочку сухое вино «Саперави».

В восемь с хвостиком позвонил Байрам. Пьяным он не был, но находился в состоянии «навеселе».

– Я пока не из Семипалатинска. Утром полетим. Сегодня вечером мужицкой компанией повторно Новый год поприветствуем. Я сейчас на месте аварии. Тут домик егеря. В нём

и заночую, – Шарипов говорил таким тоном, будто отчитывался, что Анель насторожило. – А вот днём я звонил раз пять от егеря. Тебя не было. Я, как договорились, не ревную. Я просто беспокоюсь. У тебя днём всё нормально было? А сейчас как?

– Спала я после бешеной нашей ночи весь день. Телефон отключала. Дядьки незнакомые долбят, тётки после трёх фужеров шампанского домогаются тебя. Я тоже не ревную. Но какого чёрта столько баб рвётся тебя услышать?! Спать мне положено после нашей гулянки, как думаешь? Я же не такой могучий лев как ты. Я вот даже не обедала. Не лезет. Перепили мы с тобой вчера, – Анель говорила протяжно и жалобно. – Ты пожалей меня. Ну, быстро!

– Да моя ж ты лапочка! – пропел в трубку Байрам. – Ты уж извини. Так-то никто и не звонит кроме начальников, и подчинённых. А Новый год же! Ну, ты отдыхай. Я завтра, второго числа, за день все бумаги заберу в долбанном Семипалатинске и с твоим Мишей Шуваловым к десяти вечера домой прилечу. Готовься. Целую, девочка моя!

– Никакой он не мой, Шувалов, – как бы обиделась Анель. – Ты – мой! Мой, понял!? И по-другому даже не думай. Не говори тем более. Ладно, целую. Жду.

Она аккуратно уложила трубку и задумалась. Шарипова она ждала. Понимала, что сейчас, прямо с этой недели начнётся демонстрация красавицы-жены молодой в высоких сферах, где сплошь все командиры, начальники и очень «крупные» деятели общества, политики и правители народом из потаённых пока для неё уголков жизни. Было страшновато, но любопытно. Выбиться в число жен очень значительных людей – это вам не летку-еньку сплясать на вечеринке в бригаде каменщиков.

Смотрела Анель на экран и вместо тёти, повествующей прогноз погоды на завтра, видела лицо Игоря, временного сегодняшнего партнёра по любовной забаве. Она чувствовала его тёплое дыхание, скольжение нежных пальцев по телу, ощущала снова сладость его поцелуев и слышала ласкающие его слова.

– Надо завтра у Людки взять его телефон, – сказала Анель вслух, допила «саперави» и пошла спать.

Но уснуть долго не могла. Слишком большой и неожиданный стресс мешал.

Ничего себе! Нежданно-негаданно, а изменилась к самому лучшему вся и так неплохая жизнь.

Глава третья

На похоронах подполковника Сергея Николаевича Половцева и оркестр был, а напротив него высокие солдаты стояли во фрунт при парадной форме и с автоматами. После того как вкопали крест с табличкой, на которой витиеватым шрифтом были написаны имя с отчеством, фамилия и даты, да выше них была привинчена гравированная на луженой меди его фотография десятилетней давности, майор, начальник почётного караула, скомандовал пять раз «пли!». От выстрелов женщины сжали плечи и прослезились, а мужики все разом опустили головы и глядели в землю. На месте могилы был высокий сугроб и работяги, когда копали два метра под гроб, наст сняли и накидали мёрзлую почву туда, где будут стоять прощающиеся с покойным.

Тридцатого декабря, подполковник Семипалатинского испытательного ядерного полигона, «двойки» – по кличке народной, не получивший за восемь лет участия в испытаниях никакого вреда здоровью, глупо перевернулся на своем «москвиче» по дороге с работы домой. Всего до города было сто тридцать километров, он без проблем мотался туда-обратно каждый день, не повёз семью под ядерную опасность, а тут на маленьком куске гололёда его швырнуло в кювет так резко, что он не успел открыть дверь и вывалиться. Машина три раза кувыркнулась, легла на крышу и подполковник в неуправляемом вращении виском впился в металлическую ручку правой дверцы. Умер сразу.

Его привезли в морг рыбаки, ехавшие вечером с Иртыша. На похоронах было человек триста, не меньше. Из города Курчатова, или, как звали его военные – «Москва – 400», прибыли друзья офицеры, рота солдат и почти всё командование, из самого Семипалатинска – близкая и дальняя родня, жена, сын Владимир – капитан МВД, и много гражданских. Одноклассники, соседи и хорошие знакомые, с которыми он в свободное время зимой на лыжах ходил в степь, летом играл в футбол, шахматы, ездил на рыбалки и охоты. Уважали его все вполне заслужено. Это был настоящий мужчина с честью, силой души и тела, верным словом, чувством долга и чистой совестью.

Сергею до пятидесяти пяти лет оставалось два месяца. Он уже и на работе взял три дня увольнительных. Хотел День рожденья отметить в Алма-Ате с младшим братом да сестрой старшей. С женой собирался лететь и сыном.

Младший брат чудом успел на похороны. Билетов на самолёт до третьего января не было. Алма-Атинцы к своим близким, которые в Семипалатинске жили, отправлялись утром тридцать первого и сразу брали обратные билеты на вечер первого и второго января.

Олег, младший, получил заверенную телеграмму – вызов на похороны, но таких как он, с телеграммами, было четверо. А мест свободных только два. И ему просто повезло. Сразу трое, семья молодая, точнее – дочь почему-то наглухо поссорилась в аэропорту по междугороднему телефону с отцом, лететь передумала и билеты сдала. Олегу выпал натурально счастливый билет. Хотя какое уж там счастье – спешить на похороны брата? Сразу по прилёту в Семипалатинск он побежал в кассу, ему оттоптали ноги в плотной бесформенной очереди, но в виде компенсации за побитые дорогие ботинки достался и билет на вечер второго числа. Возможно, тоже чудом, но этого Олег так и не узнал. Схватил билет, на бегу сунул его вместе с паспортом в карман пиджака и побежал ловить такси.

Хоронили второго в полдень, потом, в три часа дня намечались поминки в старом кафе «Блинок», а в восемь сорок вечера Половцев младший уже должен был сидеть в салоне «ИЛ-18». На поминках он ничего не говорил. Было кому. Одних командиров с речами пафосными объявилось целых пять. Потом жена, Володя ещё, сын, да ещё шестеро близких друзей. Олег и сказать бы вряд ли что смог. Плохое было настроение. Жуткое. Мама с отцом не хоронили сына, не простились с ним. В шестидесятом уехали в Воронеж. Сестра Лена маму уговорила.

Было им по семьдесят с хвостом, батю сильно душила астма и самолётом летать врачи ему строго запретили.

Олег выпил граммов триста водки на поминках и расстроился окончательно. Сергея он не то, что просто любил – он Сергея обожал. В детстве ему брат старший и лучшим другом был, и защитником, научил многому, но главная заслуга его была в том, что он посоветовал, а потом просто заставил Олега ехать после получения среднего образования в Алма-Ату и поступать в Казахский горно-металлургический институт на отделение «Промышленное и гражданское строительство», точнее – на инженерно-строительный факультет с отдельным архитектурным внутренним факультетом. Сейчас, к сорока трём годам, он получил степень кандидата технических наук, ценную должность заведующего кафедрой в этом же институте и считался одним из лучших преподавателей, и специалистов в области архитектуры.

После поминок дома Людмила, вдова, разыскала в большом чемодане с фотографиями, скопившимися почти за тридцать лет семейной жизни, отличный Серёгин портрет, принесла из спальни черную ленту, обернула ей угол снимка и поставила фото к высокой цветочной вазе на столе.

– Сорок дней тут постоит, – сказала она, усердно и заботливо выравнивая ленту и углы карточки. – А я закажу рамку и вот сюда повешу, на середину стены.

Людмила работала учительницей английского языка в школе. Получала не мало, но и не столько, чтобы по-прежнему без каких-то ограничений так же дальше жить. Сын денег при живом отце не давал, да и теперь вряд ли сможет. Зарплата в милиции не очень, а семья не маленькая. Не хватало на добротное лечение больной межрёберной невралгией жены, при которой долго и сидеть невозможно, и ходить. А потому не работала Алла, да ещё две дочери подростка со своими юношескими запросами и причудами требовали немалых трат.

– Я, может, замуж ещё выйду, – тихо проговорила Людмила. – Не старая ещё. Да и порядочных одиноких полно мужиков. Вот от него и будут дополнительные деньги. Да одной-то и жить в квартире страшно. И домушников много сейчас, да и разбойников полно. Звонят в дверь якобы с извещением на посылку или ремонтниками представляются. Газ проверить, воду... Вон в соседнем доме летом убили таким образом деда. Семьдесят лет деду. Открыл старый пенёк «водопроводчикам». Забрали все военные ордена, медали и деньги накопленные с пенсии, сволочи.

Олега от этой краткой сентенции перекосило почти буквально. В жар его кинуло и руки стали дрожать.

– Ну, тварь ты поганая! Братан падлу такую чистой любовью любил, всю жизнь на руках носил! Ни одной проблемы у тебя за жизнь с Серегой. Ещё душа его с нами здесь, не взлетела ещё в рай, ещё запах его одеколona не выветрился, а ты, собака, такое несёшь! Ты сейчас ещё рыдать должна слезами горькими, дура! Оторвать бы тебе безмозглую твою головёшку, да сидеть за тебя, скотину, не тянет. Но про меня забудь! Нет меня для вас больше. Коза драная!

Он вскочил, минут пять метался как безумный по комнате и что-то нечленораздельное орал во всю глотку. Понятно было только одно слово: «тварь». Сын Серёгин, Владимир, тихо сидел на диване, глядел на старую фотографию отца и молча курил «приму» одну за одной, сбрасывая пепел на пол, а окурки гасил об каблук и собирал в кулак, чтобы потом выбросить. Лицо его было бледным, глаза, наоборот, красными. Он тёр их рукой с едкой сигаретой и не моргал будто веки у него были даже тяжелее, чем у чудища гоголевского Вия.

Через пять минут Олег плюнул на ковёр под ногами, сорвал с вешалки пальто и шапку и рванул на себя входную дверь, не повернув ключа. Ручка квакнула и оторвалась. Олег стал рычать и бить кулаками дверь, но подбежал Володя, дверь открыл и Олег, одеваясь на бегу, несколько раз оступился, прыгая через три ступеньки, но из подъезда всё же вылетел, не покалечился. Вылетел и побежал в сторону аэропорта, хотя до отправления рейса ещё больше трёх часов оставалось.

– Чего взбесился? – Людмила смотрела в кухонное окно и вытирала слёзы полотенцем для посуды. – Я же так... Чтобы показать, что хоть несладкая жизнь, а продолжается. Царство небесное тебе, Серёженька! Какой там замуж! Нет кроме Сергея мужчин, мне пригодных. А этот братик его распахивался, дурачок. Всерьёз принял. Ну, да ладно.

Олег забежал в какое-то кафе, выпил двести граммов водки, попросил официантку принести салат «осенний», колбасы сто граммов и ещё сто пятьдесят коньяка. Боль внутри надо было залить, затушить огонь внезапной ненависти к предательнице и её онемевшему сынку, который даже не дёрнулся, чтобы память об отце мамаша не поганила.

– А нету «осеннего» салата. Кончился. Для Вас одного никто его строгать не будет, – официантка ушла, покачивая крутыми бёдрами.

– Коньяк неси тогда. И колбасу, – крикнул вслед Олег. Успокоиться у него не получалось. Горело внутри, дрожали руки и рвалась наружу злоба ко всему и всем, хотя как раз наоборот – душа должна была тихо страдать в печали от одной только мысли, что у него больше нет любимого брата.

– Официантка довольно быстро пришла с подносом. На нём стоял графинчик с коньяком и рюмочка, блюдец с колбасой сервелат и тарелка салата «осенний»

– Рассчитаемся, – сказала она ехидно. – А то у вас на лице написано, что вы ещё тот хмырь! Пожрёте и смоетесь без оплаты. Нашли вам салатик. Повар себе хотел взять. Но клиент у нас главнее!

– А ну повтори, – Олег выпил коньяк, кинул на поднос десять рублей, так же ехидно прошепелявил, что сдачи не надо и пусть она на неё купит тональный крем и замажет угри на роже. Потом вернулся к началу беседы. – Ну, чего заткнулась? Повтори, что там ты про хмыря сказала. Это я хмырь?!

Он не стал ждать ответа, но сам не понял как ударил снизу в поднос будто нанайский шаман в бубен. Поднос взлетел. Вырвался из рук официантки и всей плоскостью вписался ей в накрашенное румянами лицо. Она закричала так, вроде бандитский нож уже прорвался меж рёбер и грубо кромсал её нежное сердце. Прибежали все, кто слышал шум, включая посетителей кафе, поваров с огромными тесаками для рубки капусты, крупных овощей и мяса, касирша, вышибала от двери прилетел, здоровенный парень в форме с золотистыми лампасами на штанах и с кулаками, похожими на живые десятикилограммовые гири. Он быстро оценил ситуацию, выскочил на улицу, посвистел в милицейский свисток и ровно через три минуты в кафе влетели два сержанта и лейтенант, расстёгивая на ходу коричневые кобуры с большими «ТТ» и доставая из карманов наручники.

– Тихо мне тут! – гаркнул офицер. – Разбежались все. Мы разберёмся.

Олег поднялся, официантка перестала верещать, повара и посетители разошлись. А Олег, девушка в кружевном белом переднике и потёкшей с ресниц тушью, а также лично представители власти приступили к поиску правых и виноватых.

– Он что, вас избил? – поинтересовался лейтенант.

Официантка нагнулась и подняла с пола червонец. Заказ Олега тянул всего на четыре рубля. Чаевые получились очень даже... Бывает за весь вечер столько не набиралось.

– Меня зовут Татьяна Павловна Попова, – она вздохнула, глядя на десять рублей. – Я с тыща девятьсот сорок второго года рождения. В кафе служу три года. Проживаю по улице...

– Он вас, повторяю, избил? – Лейтенант стал слегка нервничать. – Вы не подозреваемая. Не надо о себе рассказ рассказывать.

– Нет, не трогал он меня. Приличный человек. Трезвый, как видите, – Татьяна Павловна оглядела Олега сверху до низу. – Я чуток припозднилась с этим выполнением заказа, ну он, конечно, прикрикнул на меня. Думаю, что это справедливо. А я растерялась и поднос уронила.

– Мы разбитое блюдце по акту списания проведём, – крикнул издали мужчина в светлом отглаженном костюме и голубом галстуке. – Я заведующий залом. Естественный бой посуды у нас предусмотрен инструкцией.

– А гражданин у нас из какой песни будет? – переключился офицер на Олега.

– Я с похорон в Алма- Ату, домой лечу. Брата в полдень закопали на вашем северном кладбище, – Олег достал из кармана паспорт. В нём лежал билет на самолёт и телеграмма.

Лейтенант изучил все бумаги, тщательно сверил фотографию с оригиналом и всё вернул.

– Я понимаю – нервы, горе, – сказал он спокойно. – Но ведите себя прилично в общественном месте. Работаете кем?

– Веду кафедрой в горном институте. Кандидат технических наук, – смутился Олег. Неловко стало. Интеллигент с замашками пьющего тупого разнорабочего на рытье траншей.

– Сообщать на работу о вашем недостойном учёного поведении мы не будем. Если, конечно, сотрудники кафе не настаивают, – лейтенант и сержанты сделали шаг назад и каждый застегнул свою кобуру.

Заведующий залом подошел к милиционерам.

– Нет, не настаиваем, – он слегка поклонился. – Извинится пусть перед Татьяной и ладно.

– Честное слово, на нервах я. Сами понимаете – брат погиб в автокатастрофе. А он мне вместо отца был, – Олег склонил голову. – У Татьяны Павловны прошу прощения. Я имею характер и в обычной жизни взрывной от природы. А тут вообще беда. Брат родной в могилу лёг. Соскочил я с катушек. Но искренне об этом сожалею и приношу извинение всем работникам, посетителям и товарищу Поповой.

– То есть инцидент исчерпан, – удостоверил примирение офицер.

Все с готовностью кивнули.

– А Вы, товарищ Половцев Олег Николаевич, поспешите. Через час – регистрация на ваш рейс. А ещё доехать надо. Восемь километров отсюда будет как-никак, – лейтенант козырнул и патрульные вышли, аккуратно прикрыв дверь.

Олег уперся локтями в стол и обнял голову руками. Молчал. Татьяна Попова, официантка, тоже не шевелилась. Потом вытерла платочком тушь с лица и сказала тихо:

– Так я ж не знала, что у Вас... Так что это вы меня извините. Пусть земля будет пухом брату вашему. Сдачу дать?

– Нет, выпейте хорошего вина после работы за помин души Сергея моего, – Олег встал, попрощался со всеми, кто видел ссору. Кроме поваров. Они далеко были. – Пойду я. Ещё раз извините за мой срыв.

И он медленно вышел на улицу ловить такси.

В аэропорт он попал как раз к началу регистрации на рейс триста седьмой. Очередь стояла длиной метров в двадцать. Олегу делать было совершенно нечего и он стал считать, сколько с ним вместе полетит народа. Насчитал девяносто человек. Но это, явно, были не все. Кто-то уже прошел, а лётчики и стюардессы всегда заявляются последними.

– Да, крупная машина этот «ИЛ-18», – хмыкнул Олег. – В детстве он играл в волейбол за команду ДСШ и летал на соревнования из Семипалатинска в Петропавловск, Павлодар и в Кустанай на «кукурузниках» «АН-2» и позже на «АН-24». Такой большой аэроплан как «ИЛ-18» подворачивался ему всего четыре раза. Когда в Москву посылали на повышение квалификации. И сейчас вот. Хорошо там в салоне. Уютно, светло. Кормят нормально.

– Эх! – сказал он тихо сам себе. – Столько налетел пассажирских часов, а всё как-то не по себе становится в дрожащем от скорости самолёте. Не то, чтоб летать боюсь, но какая-то неясная настороженность присутствует всегда.

Уже на регистрации он снова проклинал свой вспыльчивый характер. Потому, что сцепился с девушкой в синей форме и лихо сидящей на причёске пилотке.

– Вы где этот билет брали? – девушка крутила перед глазами бумажку и к чему-то внимательно приглядывалась.

Олег сразу же взбесился.

– Вы кто, практикантка? Читать билет где положено не научили вас? Там штампик стоит внизу справа. Написано «Семипалатинск. Аэропорт. Касса 3». День продажи – второго января. Сегодня, значит. Что за приключение опять? Чернила не того цвета? Бумага билета обёрточная из магазина? Я сам, что ли его нарисовал на кладбище, где брата хоронил днём?

– Вот Катюха – лошадь! – возмутилась регистраторша, вскочила и побежала с билетом в третью кассу. Вернулась минут через пятнадцать. Этого времени хватило, чтобы восемь пассажира, которые после Олега, да и двое из стоящих у стола регистрации, стали орать на него в голос. Общий смысл шума был такой.

– Пусть все зарегистрируются и пройдут в зал ожидания. Потом разбирайтесь с девчонкой. Нахают за взятку билетов, потом чуть ли не до мордобоя доходит.

– Я очередь отстоял и без взятки купил, – крикнул Олег. – Вы заткнитесь, вас всех это совсем не касается. Вы какого пса на меня навалились? Позвать милицию? Скажу – будто угрожаете мне физической расправой ни за что. Вот и отбрёхивайтесь от милиционеров. Умники, мать вашу!

Вернулась регистраторша со злым лицом и поджатыми губами.

– Тут получилось на одно место два билета. Кассирша там запуталась по горячке. Авральная работа в эти дни. Народу в очередях невпротык! Ладно. Я вам перепишу место. В хвосте полетите. Там ещё три места свободных. А на вашем сидит бабушка старая. У внуков была на празднике. Они ей заранее билет взяли в ноябре ещё. Так вы не против?

– Да мне главное, чтобы место в этом самолёте было, – психовал Олег. – А то зашлёте меня куда-нибудь в Якутию. Работники хреновы. У них, блин, напряженка! А я по-вашему леденцы сосу и плюю в потолок?!

Подошел полный дядька лет шестидесяти. Форменный свой пиджак еле застегнул. Пуговицы ребром торчали. Видно было, что он тут старший.

– Не устраивает в хвосте лететь, так мы билет перекомпостируем на завтра, на «ЯК-40». В самом центре салона место есть. Вроде солидный мужчина, а орёте тут как продавщица в вино-водочном на алкашей.

Олег махнул ему рукой. Ладно, мол, проехали. Я согласен.

В зале ожидания все незнакомые сели подальше друг от друга. Когда до посадки в самолёт осталось пятнадцать минут нудный гнусавый голос из трёх динамиков обрадовал всех сообщением, что по метеоусловиям Алма-Аты вылет откладывается на час.

– Понеслась! – сказал громко парень в синей тёплой спортивной куртке и толстой вязаной шапке с «бобончиком» наверху. Рядом с ним на кресле лежали лыжи в чехле и блестящие дюралевые палки. Таких точно парней позади него было ещё человек пятнадцать. На соревнования, похоже, торопились.

– Хорошо, что я у ректора отпросился до четвертого. Улетим же когда-нибудь, – Олег пристроился поудобнее к жесткому сиденью, надвинул шапку на глаза и попробовал забыться или вообще вздремнуть часок. – Хорошо, что жене обещал числа пятого вернуться. Чтобы не дёргалась.

Он закрыл глаза, упёрся подбородком в грудь и в полудрёме после всего, недавно выпитого, увидел оркестр на кладбище, мёртвое восковое лицо брата, окруженное по белому коленкору разноцветными бумажными цветами, услышал крик «пли!» и все пять залпов, плач Серёгиной жены услышал и её разглядел возле гроба. Сморщенную, жалкую, безудержно плачущую. «Так она плакала всё же, а я на неё напрасно потом дома отвязался». Он увидел как шестеро мужиков медленно, стараясь не поскользнуться на скате, опускали на толстых джутовых верёв-

ках гроб, исчезающей в чёрном провале мёрзлой земли. Потом эту яму засыпали, поставили крест и ушли. И он ушел.

А Сергей остался там, под толстым слоем плодородной почвы. Остался навеки в другом мире, в царстве мёртвых, где больше не надо дышать, волноваться и верить в лучшее.

Олег вздрогнул, очнулся и почувствовал, как из углов глаз медленно выдавились две горячие капли.

Глава четвёртая

Злой как неделю некормленный в зоопарке тигр Миша Шувалов, командир борта 75 158 «ИЛ-18» скорым бегом нёсся в технический отдел огромного Московского аэропорта Домодедово от своего самолёта, со стоянки. Можно было и по рации с этим техотделом полагаться. Но Миша хотел сам глянуть в глаза главному раздолбаю, заместителю начальника Кубанскому Григорию и даже потрепать его желал за грудки. Мише через полчаса уже покидать надо было Москву, столицу Родины большой, и рассекать небеса до Семипалатинска Казахского, дозаправиться там, пассажиров взять и – в родной порт – Алма-Ату.

А он бы и до Коломны не долетел. Хотя туда при хорошем ветерке и доплюнуть – не вопрос. Домодедовские техники уже не в первый раз забыли облить как следует машину водой с гликолем и загустителем, дорогим составом против обледенения. На закрылках, элеронах и руле поворотов после посадки, прямо вокруг тросиков и кое-где на крыльях ещё остался тонкий ледок. Даже на эшелоне 7000 этот тонкий слой льда распух бы втрое и хана! Все из салона – прямиком в могилу!

Управление огромным самолётом самоликвидируется со льдом на тросиках, пропадает напрочь. Сколько уже таких случаев было. Находили виноватых, рублём наказывали, увольняли, но не судили и не сажали. Хотя каждый раз катастрофа была хоть, ясное дело, и не специально задуманным, но всё же убийством десятков неповинных людей и уничтожением очень дорогого аэроплана. Миша Шувалов был мужиком спокойным, добрым и очень профессиональным. Он в войну ещё сопливым восемнадцатилетним пацаном по призыву отучился в лётном училище и с сорок четвёртого до конца Великой Отечественной работал на двухместном штурмовике «ИЛ-2», который враг звал «чума» и «черная смерть».

В конце войны эти самолёты уже имели по четыре подвесных реактивных ракеты, пару пулемётов и столько же пушек. Бомбы тоже метали, но редко. Со штурмовиков толку от них было не много. Демобилизовался Шувалов в сорок шестом с ранением плеча и левого бедра, в котором пуля немецкого истребителя не упокоилась, а прошла навывлет и Миша потом даже не хромал. Был у него орден Отечественной войны 1 степени, поскольку Шувалов служил не просто отважно, а результативно. Он сделал вместо двадцати пяти больше сорока успешных боевых вылетов и много чего уничтожил ракетами и пушками на бреющем полёте. Пулю из плеча вынимать не стали и до сих пор она ему не мешала.

Но на войне он «гробануться» не боялся. Не хотел – да. Но за кого бояться? За себя и стрелка? Быстрый бронированный, низко летающий «танк Ил-2» сбивали редко, да и умереть со стрелком за Родину они были сразу готовы. А вот сейчас грохнуть «ИЛ-18» с сотней человек на борту, пусть даже и сам порвёшься на мелкие куски, – дикость. Учителя, врачи, инженеры, артисты, студенты – они к тебе в салон не смерть встречать сели. И не враг погубит их! А москвич, мирный человек, хороший семьянин Гриша Кубанский, который, блин, не проследил за работниками, обязанными хорошо поливать машину дорогим антиобледенителем. Экономили, гады! Потому, что аварий от обледенения давно не было. Расслабились, блин.

Гриша по рации вдалбливал какому-то технику на «ТУ-104», что крышки после заправки топливом надо не просто закрывать, а дёргать их потом посильнее вниз. Проверять замки на крепость. Раскроется крышка на скорости 900 километров в час и воздух вырвет её вместе с куском крыла. А это ох, как чревато.

– Григорий, – Миша дождался пока начальник выговорится, заглушит рацию и спокойно сказал. – У меня ледок тонкий на тросиках повсюду. И на киле перед хвостовым рулём, на элеронах тоже. Крыло натурально мокрое от воды. Миллиметр льда растаял. Полечу – он замёрзнет и утроеится в толщину. Винты его сдуют и осколки могут хвост побить. Ты чего, Гриша? За технарями вообще никак не смотришь? Про тросики вообще молчу. Рули уже не провер-

нёшь. На улице, на земле сейчас минус двадцать девять. А на девятом эшелоне все пятьдесят будет. Мы с тобой сто человек убьём ни за что, Григорий.

– Ты, ё-моё, как девочка, Мишаня! – Кубанский его приобнял и поздравил с Новым годом. – Плачешь по пустякам. Куколку новую тебе не купила мамка. Глянь в окно. Для тебя машина с гликолем и загустителем вон она стоит. Видишь? С зеленой полосой по борту готов для тебя заведённый «ГАЗон», пытит выхлопом уже. Он к тебе и не ездил ещё. За пятнадцать минут до вылета залёт твой тарантас как ливень. В морозильник потом заталкивай самолёт на сутки – ни одна проволочка не заоченеет.

– А, ну ладно, – Шувалов сел на стул и закурил. – А раньше-то за полчаса поливали до старта. Ну, хорошо тогда. Как жизнь-то?

Кубанский Григорий провел ладонью поперёк горла.

– Комиссии замучили. Кто-то из Управления команду дал покруче гайки завинтить в техническом отделе. Каждый день ездят сюда четверо и во все дырки суются. На меня уже два протокола написали. Ну, вроде стойки шасси не смазываю как надо и грузовые отсеки не укрепляю перед вылетом. Во как! Важнее нет вопросов! А второй год прошу дать мне погрузчик с лентой – так вот хрен! Они, бляха, забывают его в бюджет вставить, понимаешь? А у меня работы на загрузке скопытятся скоро. Кидают груз вверх руками. Так чемоданы иногда бывают вроде как гирями набитые. Эх, мля! А так – всё хорошо, Миша. А у тебя?

– Да тоже нормально всё, – Шувалов поднялся и пожал Грише руку. – Квартиру новую дали. Трёхкомнатную. Я же теперь два года как пилот первого класса. Заслужил за девятнадцать лет. Мне, правда и со вторым хорошо было да двух комнат вполне хватало, а Наташка рада. Пацану в школу пять минут идти. Да и она на работу уже на автобусе не ездит. Пара кварталов от дома её больница теперь.

Они попрощались и Шувалов медленно пошел к самолёту. Посадка закончилась и машина с зелёной полосой уже стояла рядом. Ребята из трёх шлангов аккуратно заливали жидкость во все щели и на плоскость. Вдруг сзади его кто-то толкнул в спину. Миша повернулся и обалдел. Перед ним, покачиваясь на высоких каблучках пританцовывала стюардесса рейса Москва- Владивосток Вера Ляшко, старая его любовь. Ну, не любовь, конечно. Увлечение. Забава для путешественника.

Он с ней познакомился три года назад. Иногда экипаж отдыхает ночь, а то и сутки. Смотря какое расписание движения. В гостинице уютной живут, в аэропортовской, построенной давно для лётного состава. Они нечаянно и познакомились в столовой. Поболтали пару часов в вестибюле, а потом как-то само вышло, что Вера переночевала у него в номере. И с тех пор ещё пару лет они встречались каждую неделю. Совпадало время прилёта у обоих. А потом Миша как бы остыл, другая появилась, кассирша Лида. С которой он при возможности отдыхал и сейчас. Потому перед Верой и растерялся, и о чём говорить – не находил темы. Несколько секунд глядел на неё, потом уставился в снег на площадке и глаз не поднимал.

– Завяли помидоры? – без особой грусти сказала Вера, крутнулась на одном каблучке и быстро пошла за угол аэропорта.

Шувалов на миг поднял глаза к небу, вздохнул с облегчением, посмотрел на часы. До отлёта оставалось двадцать минут и сзади он уже слышал голоса своего второго пилота, штурмана и бортинженера. Они рассказывали анекдоты и от души над ними веселились.

– Слышь, Владимир Викторович! – он обернулся ко второму пилоту. – Я написал рапорт на повышение тебе с нового года зарплаты. В конце декабря. Сказать некогда было, извини. К Новому году суетились, да и полёты никто не отменял.

– Спасибо. А с чего вдруг? – удивился Владимир. – Вроде как летал, так и летаю. Ничего героического не совершил.

– Ну, ты, может, и не помнишь, – засмеялся Шувалов. – но 26 декабря десять лет стукнуло как ты со мной летаешь.

– Ну, да! Помню я, ты что! – Володя Горюнов догнал командира, улыбаясь. – Так и зарплату с твоей подачи мне пять лет назад подняли. У меня хорошие деньги за подсобную для тебя работу. Двести рублей! Не знаю куда их и тратить. Жена гоняет деньги мои по магазинам. Лодку мне резиновую к весне купила недавно. Спиннинг. Весна же всё равно будет. Рыбачить в новой лодке – это кайф. Старую я в семи местах проклеил. И спиннинг, отцовский ещё, выправил путёво, но он по – старости давно на пенсию просится. А она новый купила. Немецкий, дорогой взяла, блин! А чего? Навалом денег-то.

– Теперь триста будешь получать, – радовался за Володю Шувалов. – Теперь будет на что много всякой рыбы на базаре покупать. Сам ведь не ловишь ни фига.

– Я не ловлю? – ужаснулся такому вранью Горюнов. – А летом кто весь экипаж кормит щукой да окунем? А судака кто вам таскает маринованного!? Вот, лажа-то! Да я лучше рыбачу, чем летаю, блин!

– Шувалов посмеялся вместе со всеми и сказал очень тихо. Как бы нарочно, чтобы все прислушались, – Так зарплата увеличится на пятьдесят процентов не за десять лет в воздухе. Я же два рапорта подавал. Второй на повышение классности. Завтра на торжественном собрании тебе шеф даст лично в руки свидетельство. Там написано, что Владимир Викторович Горюнов является пилотом первого класса. Не помнишь, как комиссия из главного управления тебя неделю терзала вопросами, а один старый летун из комиссии мотался с нами в кабине пять рейсов подряд на приставном стуле? Первый класс дали. Теперь тебя, сволочи, заберут у меня. Будешь тоже командиром корабля, я думаю – «Ил – 18» дадут.

– А! – вскрикнул Володя. – Вон оно куда шло! А я думал, что мне шьют профнепригодность. На меня же кто-то из лётного отдела жалобу писал главному. Ну, будто я пью и уже несколько раз медики меня от полётов отстраняли. А я-то вообще не употребляю. Все знают.

– Это Боря Шарипов, – сказал штурман Лёва Зыков. – Это он рапорт на тебя подавал главному. Пить ты не пьёшь, но по бабам ходок не хуже дорогого шефа нашего Шувалова Михал Иваныча. Хотя командира обгонять некрасиво. Вот ты в позапрошлом году такую куколку-красу у Шарипова вроде как бы случайно увёл! Не знал, вроде, что она под Шариповым отдыхает. Ленку Соболеву помнишь? Слышал ведь, что Шарипов с ней спит? Слышал! Не надо было эту дурёху из-под него вынимать. Других мало? Вот он тебя и хотел придушить таким макаром. Через пьянство твоё. Кто этого Шарипова перепроверять рискнёт? Он, гад, мстительный. Там бы тебе и зарплату снизили, и классность. И перевели бы работать на землю. Диспетчером, например. Это хорошо, что наш командир Шувалов с самым главным дружит, с начальником всего Управления гражданской авиации, с Рамазаном нашим, славным Оспановичем.

– Меня Рамазан позвал и рапорт этот показал. Мы-то с ним с детства дружим. В одном дворе жили. Призвали нас в войну одновременно и в одно училище направили. И воевали мы вместе. Он в нашей эскадрилье четвёртым на «ТУ-2» летал. Ранен. Чуть не списали его. Но он вылез и лётную комиссию с высшим балом прошел, – Шувалов помолчал. Потом матюгнулся и плюнул под ноги. – Он Шарипова не любит. В управление Борю-Байрама дядя родной затолкал. А Шарипов – «нарцисс». Любит и уважает только лично себя. И мстить умеет.

– Так что наш командир Оспанычу про тебя правду рассказал и упомянул, чем ты Шарипова разозлил, – засмеялся штурман, – Оспаныч психанул и хотел Шарипова «на ковёр» вызвать. Но Михаил Иванович наш его удержал. Мол, хрен с ним, дураком. По-настоящему горбатого и могила не выпрямит. После этого начальство стало к тебе приглядываться и самый главный на рапорты Шувалова правильно среагировал. И зарплату, и классность после необъявленной проверки тебе вот повысили. Справедливо, я считаю.

Подшли к трапу. Бортмеханик прогулялся под самолётом, пошевелил закрылки, проверил крышки топливных баков, осмотрел шасси и последним поднялся в каморку за кабиной, которую они делили со штурманом. Пилоты уже включили всё, что надо, причём делали они

это так быстро, что если смотреть на их руки постоянно и вертеть головой, да двигать ей вверх-вниз, то запросто или шею свернёшь, или тошнить начнёт.

– Семь пять один пять восемь, на рулёжку! – механическим голосом, уставшим повторять одно и то же, прогундел в наушники командира диспетчер. – Дорожка два, ветер встречный ноль два метра на минуту. Тихо на полосе. Разгон с тормозов, мощность движков на тормозах полная – 800 оборотов на минуту. Пошел.

Миша Шувалов снял пиджак, накинул его на спинку кресла. Горюнов повёл машину на взлётку. Встали на линию, нос точно по центральной рваной полосе выровняли и Володя воткнул все тормоза, после чего дал движкам полную силу.

– Разрешите взлёт. Готовность первая, – доложил Шувалов.

– Взлёт разрешаю.– Равнодушно произнёс выпускающий диспетчер.

– Погнали! – командир рывком освободил тормоза и машина рванула вперёд.

– Пробег триста, скорость сто восемьдесят, пробег пятьсот, скорость сто девяносто. Мало! Вова, что там мешает?

Горюнов быстро пробежал взглядом по всем приборам.

– Не возьмём подъёмную тягу! – Закричал он в микрофон. У Шувалова, командира, зазвенело в ушах.

– Что там? – поправляя наушники спокойно спросил он. – Движки все пашут? Вроде не тянет вбок.

– Правый четвёртый движок даёт две тысячи лошадей вместо четырех тысяч и ещё сотни, – удивлённо крикнул Володя.

– Поднимаю обороты на все движки до критических значений. 950 оборотов. – Командир сказал это в микрофон негромко и спокойно. – Лишь бы полосы хватило. И не ори так. Уши завянут. Сколько уже разбег?

– Восемьсот метров. Скорость двести двадцать, – второй пилот вспотел и как заколдованный, приподнявшись, глядел на конец полосы. Конец бетонки – желтый флажок. Это отметка – полтора километра.

– Нос подними! – Шувалов рукой вдавил рукоятку мощности двигателей. – Угол атаки двадцать градусов возьми.

– Разбег тысяча метров, скорость двести тридцать.

– Отрыв! – сказал Миша Шувалов.

– Иду на опорных шасси, угол атаки двадцать, перепад давления над и под крылом – три. Мало. Подъёмная сила не тянет. Нет отрыва. Скорость двести тридцать пять, пробег тысяча сто. Не могу оторвать. Тяга дохлая, мать её!

– Нос ещё на десять градусов вверх, – уже громче сказал командир.

– Скорость двести сорок, разбег на полосе тысяча триста пятьдесят два. Предел, командир! Нет отрыва. Хана!!!

– Крылья под хорошим углом. Планерность – больше сотни. До конца полосы сто семнадцать метров. Отрыв!!!

– Есть отрыв!!! – Горюнов закричал так истошно и счастливо, что Миша скинул наушники и покрутил пальцем у виска. – Есть, мля! Пошла, родная!

– Ты бы, бляха, ещё станцевал. Нормально. Набирай эшелон двести. Плавно набирай. Я помогу. – Миша незаметно вытер со лба холодный пот и легонько потянул на себя штурвал, левой рукой накинул наушники.

– Шувалов, ты пьяный что ли, – кричал диспетчер. – Ещё бы семьдесят метров разгона и шиздец котёнку! Что у вас? Движок отказал? Медленно занимайте эшелоны. Сперва лезьте на две тысячи, через десять минут – вставай на три и потом пошустрее до восьми тысяч ползи. Только нос выше двадцати градусов не задирай. Бери восемь тысяч метров на четвертом коридоре. И так идите. Там уже хороший воздух, разряженный. Мощей много не надо. На шестьсот

оборотов движки поставь. Когда на эшелон выйдешь, конечно. Удачно долететь! На трёх винтах скорость держи не больше шестисот в час. Крейсерскую, шестьсот пятьдесят, даже не бери. А я на техотдел запишу замечание. Маслаки, похоже, не прочистили, придурки. Не злись, Иваныч, я им «вклею» по самые помидоры

– Домой прилетим говорить об этом взлёте никому не надо. Все поняли? Штурман, стюардессам скажи. Не забудь. Сядем в Семипалатинске тихо и сами разберёмся. Раз две тыщи лошадей он всё же выдавливал, то не в маслаках дело, – Шувалов вытянул шею и посмотрел на крайний правый двигатель. – Скорее птицу винт покрошил и закинул в турбину. Забились несколько воздухопроводов. Сами прочистим. Не надо себе лишних нештатных в бумаги записывать. Руководитель полётов, Лопатин, – дядька у нас строгий. Может отстранить на месяц-другой от работы. А оно нам надо? – Миша Шувалов выбрался из кресла, похлопал Горюнова по плечу. Сам, мол, дальше лети.

– Пойду на пассажиров посмотрю. Они, думаю, не поняли ничего.

И ушел.

Володя, второй пилот, подвинул микрофон ближе к губам и сказал бортинженеру и штурману.

– Плохая, мля, мужики, примета – тяжкий взлёт. Это мне ещё в училище говорили. Плохо полёт начался, плохо и кончится.

– Ладно. Глянем. Что, суеверный, Вова? Мы – нет. И командир, сам ты видел, спокойный как слон. Нормально всё будет. Держи горизонт. А то, похоже, волнуешься. Ещё в штопор не хватало свалиться при такой малой скорости, – высказался штурман Лёва Зыков и отключился.

Шувалов вернулся и потрепал за рукав деятельного бортинженера Колю, который всегда что-то чертил в блокноте.

– Там над девятым и десятым местами воздух из кондиционера не идёт. Пассажир сказал. Можешь сейчас сделать?

– Попробую, – Коля поднялся. – А вы, товарищ командир, мне не поможете?

– Подсоблю, конечно. Что делать надо?

– Вот тут за щитком видите – тумблеры? Вот над этим цифра девять, а вот – десять. Рацию возьмите. И я пойду в салон с рацией. Когда скажу – начните их по очереди включать-выключать. Только быстро. А я в потолке фрагмент открою и провода вот этой проволокой перемкну раз пять. Должно врубиться.

Возились в общем недолго. Минут двадцать. Потом Садовский прохрипел по рации.

– Всё! Спасибо. Работает обдув. Пассажиры довольны. Привинчу пластик к потолку и приду.

Мимо Шувалова в кабину прошла стюардесса Валя Марченко.

– Володя, кофе сделать? А тебе, Шувалов?

– Мне ведро крепкого без сахара, но с твоим поцелуем, – Миша повернул Валентину спиной к себе и с удовольствием похлопал её по пухлой попке, обтянутой синей короткой юбкой. – Завтра не летаем. Сходим куда-нибудь?

– В ресторан хочу, – Валя поднялась на носки и чмокнула Мишу в щёку. – Алма-Ата имеет два приличных ресторана. Но мне ближе один из них. «Иссык» в гостинице «Алма-Ата». Там и «лабухи» клёвые, играют как боги и поют нефигово. Да и отдыхают там обычно «серьезные» люди – местная номенклатура, «статусные воры», «жировые» от торговли и иногда – загулявшая интеллигенция, вся эта публика часто «разбодяживается» очень приличными командированными. Да мы ж с тобой раз десять там были! Что я тебе рассказываю!? А потом ко мне домой, да?

– Да непременно, лапонька! – засмеялся Миша Шувалов. – Соскучился за неделю!

Валя ещё раз подпрыгнула, дотянулась поцелуем до гладко выбритой Шуваловской щеки и командир пошел готовиться к посадке. Незаметно пролетели ещё два часа, а через полчаса – приземляться. Полоса в Семипалатинске хорошая. Новая, длинная. Миша потянулся, сел в своё кресло и подмигнул второму пилоту. Большой палец вверх поднял. Хорошо, значит, всё.

– Вот, бляха, где ещё у нас есть командиры корабля первого класса, которые простому бортмеханику помогают чёрную работу делать? – веселился Коля перед стюардессами и штурманом. – Он мне должен был пистон хороший вставить. Это же моя недоделка. Это я ведь по должности не проверил всё перед взлётом. А он помог молча. Как вроде так и надо. Ну, бляха, мужик!

Сели в Семипалатинске без проблем. Бортмеханик позвал технарей и они стали четвёртый движок смотреть. Шувалов пришел в отдел полётов и перелётов к товарищу своему Зинчуку, летать начинали вместе на «АН- 24».

– С тобой в Алма-Ату Шарипов полетит Байрам, – сказал Гена Зинчук. – Он с аварии вертушки в Устькамане домой торопится. Расследовал причины. А спешит как!!! Мы ему место проверяющего забронировали. Четвёртое кресло свободно у тебя? Спешит, сучок. Жена, говорят, у него появилась новенькая – молоденькая. У нас в городе какие-то бумаги ему надо было забрать. Короче, такой тебе подарок, Миша!

– Да и хрен бы с ним. Молча будет лететь – мне тогда без разницы, есть он, нет его. Девку у меня отбил, хмырь. Анель с контроля местных авиалиний. Татарочка. Ничего была девка. Ну, ладно. Пойду я передохну до отлёта. Часа полтора есть в запасе. Давай краба, Гена.

Он вышел на дорожку к гостинице, где отдыхал лётный состав, но не спешил. Сел на скамейку. Закурил. Задумался. Долго сидел. Потом поднялся, сказал вслух всего одну фразу.

– А могли бы, конечно, гробануться. Повезло. Бывает.

В гостиничном номере никого больше не было. Миша Шувалов лёг в форме на низкую деревянную кровать поверх покрывала и попытался вздремнуть. Не получалось. Слышал голос второго пилота так ясно, будто они ещё взлетали с московской полосы

– Скорость двести сорок, разбег на полосе тысяча триста пятьдесят два метра. Предел, командир! Нет отрыва. Хана!!!

– Повезло, – снова вслух сказал Миша. – Бывает.

Глава пятая

Второго января всенародное нездоровое буйство счастья от тысяча девятьсот шестьдесят пятого пришествия Нового года по новому стилю на уютном пространстве безразмерного СССР не увяло. Даже от дикого перепития и переедания населением всего припасённого заранее. Где-то буйство даже воспрянуло, взбодрилось и рвануло с сатанинской энергией ещё веселей, шире, громче и самоотверженной.

От удара по головам и желудкам водочкой с салатом «оливье» в ночь с тридцать первого декабря на первое января народ на другой день обязательно поправлял свою похмельную сущность той же водочкой, но уже с селёдкой под шубой и холодцом. Потому утром второго числа население почти всем составом не ходило на работу. Это прощалось любым начальством. Оно тоже люди, тоже радовались безудержно и тоже появлялись на своих креслах, чтобы отзвониться более высокому начальству, которое тоже приползло на пятнадцать минут, чтобы принять честные звонки «с работы» от подчинённых, после чего все сваливали допивать и доедать.

Коля Журавлёв пил, ел и метал по квартире друга Димы серпантин в своей Москве. Он всегда прилетал на Новый год и дни рождения друзей из очень далёкой Алма-Аты, куда его рукой ректора добрая судьба зашвырнула по распределению из химико-технологического института на крупный завод пластмассовых изделий «Кызыл-ту». Пять лет назад завод подбирал обученных специалистов, попросил московского ректора, а он, какой молодец, не отказал.

Алма-Ата за пять лет пригрела Колю солнцем, которое почти не знакомо было с облаками и роняло на город ласковый жар с февраля по ноябрь. Здесь как красивые цветы вдоль всех улиц ласкала душу искренняя дружба разных народов, озоновый воздух с Тянь-Шаня и бесчисленные фонтаны, хаотично рассыпанные по городу так щедро, будто сам бог их разбрасывал. Алма-Ата полюбилась Николаю Журавлёву как девушка, с которой он готов был прожить всю до гробовой доски жизнь. Но на праздники он всегда улетал в родной город, в московский двор сразу за остановкой троллейбуса в районе «Сокольники», который имел внутри себя неофициальный райончик – Матросский мост. Мост реально много лет стоял на улице Стромынке и действительно назывался матросским. Хотя не было под ним ни речки, ни ручейка или даже здоровенной ямы, какую невозможно завалить.

Это было загадочное, почти мистическое место, Матросский мост, как микрорайон в большом районе Сокольники. Во-первых, матросов, ходящих на махоньких корабликах и катерах по Москве-реке или Яузе было так мало, что в их честь вдруг назовут и мост и целый район, было смешно даже думать. Во-вторых, главное – вода в колонках на улицах и в квартирах была наделена волшебной силой. Других предположений районные москвичи не хотели иметь и не имели. Все, кто тут жил и воду эту пил, были шибко умными, большими и сильными. А так – всё как повсюду в Москве. Но парни и мужики с Матросского моста гляделись почти богатырями, девушки и дамы – соблазнительными красотками.

И, что поражало самих москвичей, так то, что практически все, кроме разве что дореволюционных дедушек с бабушками, имели верхнее образование и вкалывали на вполне уважаемых интеллигентных работах. Мистика. Но не вся. Многие жители этого района, дышащие озоновым фимиамом вечерами на балконах или сотворяющие променад по кривым улочкам, слышали голос с небес. Вот ниоткуда конкретно! Просто сверху.

Гипнотический бас мягко произносил всего одну фразу, но каждый день другую. Например: «Чистить зубы полагается пальцем, обернутым тканью, используя для этого порошок, изготовленный из вулканической пемзы с добавлением кислого вина или винного уксуса». Ну и много чего похожего на этот полезный совет. Иногда голос вещал большие цитаты из речей и манускриптов древнегреческих мудрецов, и публикаций великих советских учёных, писателей, а также членов политбюро ЦК КПСС. Нигде в Москве такого чуда больше не было. Кто-то

рассказывал, что ночами по дворам Матросского моста носятся призраки, похожие на коров с крыльями бабочек. Но им уже не верили. Слишком умные и начитанные жили здесь граждане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.